

Глава 23

Если я сегодня тебя не убью

Прошло несколько мгновений, прежде чем из-за занавеса донёлся голос Юэ Бочжи:

— Откуда мне знать о подобных пустяках?

После небольшой паузы он лениво добавил:

— Глава школы, если нет ничего важного, позвольте мне удалиться.

Едва прозвучали эти слова, как все замерли от изумления.

Впрочем, Юнь Сыгуя это, казалось, ничуть не удивило. Он лишь спокойно кивнул:

— Твоё здоровье и впрямь оставляет желать лучшего. Возвращайся и отдохни.

Облачный паланкин плавно поднялся в воздух и полетел в сторону Пика Ста Чжанов.

Глядя ему вслед, Те Хэнцю застыл, но в душе его не было особой горечи.

Он предвидел такой исход. Юэ Бочжи обещал помочь ему лишь раз, в счёт уплаты долга. Теперь долг отдан, и они в расчёте. Его жизнь или смерть больше не имели к Юэ Бочжи никакого отношения.

Осознав это, он опустил взгляд, скрывая подступившую горечь.

Хай Цюншань, увидев реакцию Юэ Бочжи, с облегчением выдохнул. Его сжатые кулаки медленно разжались, а во взгляде, брошенном на Те Хэнцю, читалась откровенная насмешка.

Юнь Сыгуй посмотрел на Те Хэнцю и ровным тоном произнёс:

— Ты ранен, возвращайся и отдохни. Остальное обсудим, когда поправишься.

Эти слова ясно давали понять, что он намерен замять дело.

Те Хэнцю подавил вспыхнувшую в глазах ярость и с видом, близким к отчаянию, воскликнул:

— Как же так! Пятый старший брат пытался убить четвёртого! Я видел это своими глазами!

Слова эти, словно камень, брошенный в спокойную воду, вызвали волну изумления.

Если бы речь шла о том, что Хай Цюншань покушался на жизнь Те Хэнцю, никто бы и ухом не повёл.

Но если жертвой был Хэ Чуми, дело принимало совершенно иной оборот!

Те Хэнцю давно понял: в глазах этих людей его жизнь не стоила и кисточки на рукояти меча Хэ Чуми.

Седовласый старейшина шагнул вперёд. Его взгляд был острым, как кинжал.

— Что ты такое говоришь? У тебя есть доказательства? — сурово спросил он.

Те Хэнцю мысленно усмехнулся. Он узнал этого старейшину — старейшину Зала Правосудия и, по совместительству, прадеда Хэ Чуми.

Улики, оставленные Хэ Чуми на цепях и колокольчике, были грубыми и очевидными, но расследование ни к чему не привело именно потому, что этот старейшина покрывал своего правнука.

А теперь, услышав, что его драгоценный потомок стал жертвой, старейшина Зала Правосудия внезапно преисполнился праведного гнева. Забавно.

Хэ Чуми, бледный как полотно, в шоке уставился на Те Хэнцю.

— Что ты несёшь?

Хай Цюншань тоже помрачнел.

— Мы с четвёртым старшим братом близки, как родные. Как ты смеешь так лгать? У тебя есть доказательства? — его голос сочился ядом.

Те Хэнцю посмотрел прямо на Хэ Чуми:

— Четвёртый старший брат, я видел, как ты упал со скалы. Из чувства братского долга я прыгнул за тобой, вытащил тебя в ледяной омут и защитил твои меридианы. Ты ведь помнишь это?

Хэ Чуми, услышав это, растерянно кивнул:

— Конечно. Ты спас мне жизнь! Если бы не ты, я бы наверняка погиб.

При этих словах взгляд старейшины Зала Правосудия на Те Хэнцю изменился. В нём читалось: «Мой правнук так подло с тобой обошёлся, а ты рискнул жизнью, чтобы спасти его? Похоже, слухи не врал, ты и впрямь полный идиот».

Старейшина шагнул вперёд и торжественно произнёс:

— Те Хэнцю, ты спас моего правнука. Я этого не забуду. Будь уверен, я тщательно расследую это дело.

Те Хэнцю почтительно склонил голову, его вид выражал крайнюю скромность:

— Старейшина, что вы. Я лишь выполнил свой долг, не смею претендовать на награду.

Хай Цюншань, видя это, потемнел лицом, но, сохраняя самообладание, холодно усмехнулся:

— Младший брат, твой поступок и впрямь достоин уважения. Но ты утверждаешь, что я покушался на жизнь четвёртого старшего брата. У тебя есть доказательства? Если нет, то это клевета, а за такое полагается суровая кара!

— Когда я покинул ледяной омут, — холодно ответил Те Хэнцю, — яд Огня Ли и холод омута в его теле нейтрализовали друг друга, его сердечный меридиан был в порядке. Я отправился на поиски целебных трав. Каково же было моё удивление, когда, вернувшись, я увидел, как Хай Цюншань, воспользовавшись беспомощностью четвёртого старшего брата, раздевал его и творил непотребства! А после ещё и лгал, будто делал это ради спасения!

Слова «раздевал его и творил непотребства» повергли всех в шок.

Хэ Чуми побелел.

Хай Цюншань сжал кулаки:

— Ты лжёшь!

Старейшина Зала Правосудия был вне себя от гнева и досады.

Он и представить не мог, что «покушение», о котором говорил Те Хэнцю, окажется таким!

Знай он заранее, что речь идёт о подобном позоре, он бы ни за что не стал выяснять отношения при всех, а решил бы дело втихую, чтобы не запятнать честь школы и, что важнее, репутацию Хэ Чуми.

При этой мысли взгляд старейшины, брошенный на Те Хэнцю, стал ледяным. «Он сделал это нарочно! — с ненавистью подумал он. — Он ненавидит не только Хай Цюншаня, но и Хэ Чуми. Он специально вынес всё на публику, чтобы одним ударом убить двух зайцев — уничтожить репутацию Хай Цюншаня и опозорить Хэ Чуми!»

Сплетни — неотъемлемая часть человеческой природы.

В этот миг всех присутствующих уже мало волновало слово «покушение», в их головах прочно засело «раздевал его и творил непотребства».

Взгляды собравшихся были прикованы к Хэ Чуми. Вспомнив его нетвёрдую походку по возвращении и чрезмерную заботливость Хай Цюншаня, каждый начал додумывать своё.

Хэ Чуми стоял бледный как смерть, его губы дрожали. Обычно гордый, как лебедь, сейчас он сжался, словно перепуганный перепел, желая лишь одного — провалиться сквозь землю.

Старейшина Зала Правосудия смотрел на правнука со смешанным чувством жалости и гнева, но на людях ему приходилось сохранять невозмутимый вид.

Разумеется, продолжать допрос он не собирался.

Он холодно взглянул на Те Хэнцю, в его голосе прозвучала угроза:

— Те Хэнцю, это серьёзное обвинение. Если ты солгал, пощады не жди!

Те Хэнцю оставался спокоен:

— Старейшина, всё, что я сказал — правда. Я не мог позволить, чтобы четвёртый старший брат оставался в неведении, а злодей продолжал творить свои тёмные дела. Поэтому я и решился рассказать всё при всех.

Эти слова ещё больше разозлили старейшину, но он не мог дать волю гневу на глазах у всех.

Он холодно хмыкнул и, метнув яростный взгляд на Хай Цюншаня, ледяным тоном произнёс:

— Хай Цюншань, это дело нешуточное. До выяснения всех обстоятельств ты будешь находиться под домашним арестом.

Хай Цюншань, с мертвенно-бледным лицом, всё же нашёл в себе силы сохранить самообладание и, поклонившись, ответил:

— Я готов к расследованию, чтобы доказать свою невиновность.

Хэ Чуми, стоявший рядом, дрожащим голосом спросил:

— Цюншань, ты... ты правда это сделал?

Хай Цюншань в панике выпалил:

— Четвёртый старший брат, неужели ты мне не веришь? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь! Те Хэнцю просто ненавидит нас и лжёт, чтобы отомстить. Не верь ему!

Хэ Чуми выглядел растерянным. Его взгляд метался между Хай Цюншанем и Те Хэнцю, он не знал, кому верить.

Те Хэнцю, видя это, мысленно усмехнулся, но вслух произнёс спокойно:

— Четвёртый старший брат, где правда, а где ложь — решать тебе. Я лишь надеюсь, что ты разглядишь истинное лицо некоторых людей и не позволишь себя обмануть.

Старейшина Зала Правосудия, чей взгляд был острым, как лезвие, прервал Те Хэнцю:

— Это дело чрезвычайной важности и требует тщательного расследования. Я не буду принимать чью-либо сторону. Решение будет вынесено только после установления истины.

Эти слова были явным сигналом Те Хэнцю заткнуться и не продолжать этот разговор на публике.

Хай Цюншань, поняв намёк, обрёл уверенность и, словно он и впрямь был невиновен, произнёс:

— Я готов к расследованию, чтобы доказать свою невиновность.

Юнь Сыгуй, до этого молча наблюдавший за сценой, шагнул вперёд:

— Поручаю это дело Залу Правосудия. Расследуйте всё тщательно и вынесите справедливое решение.

Высоко в небе висела яркая луна.

Хай Цюншань стоял на Утёсе Раскаяния, его глаза были закрыты, лицо — сурово.

Утёс Раскаяния, как следовало из названия, был местом, куда отправляли провинившихся учеников Школы Сокрытого облака, чтобы те в уединении могли поразмыслить над своими проступками.

Ледяной ветер, гулявший по вершине утёса, пробирал до костей.

Сквозь вой ветра донеслись чьи-то шаги, в которых не было ничего дружелюбного.

Хай Цюншань резко обернулся и, увидев Те Хэнцю, холодно усмехнулся:

— Ты ещё смеешь приходить?

— А почему бы и нет? — так же холодно ответил Те Хэнцю. Его привычно опущенные ресницы в этот миг взлетели вверх, острые, как обнажённый клинок.

Хай Цюншань впервые видел на лице Те Хэнцю такое хищное выражение.

В его памяти Те Хэнцю был либо робким, либо покорным. И хотя он прекрасно понимал, что всё это — лишь маска, он всё равно не мог представить Те Хэнцю способным на агрессию.

— Те Хэнцю, — с сарказмом произнёс он, — ты ведь не думаешь, что, заперев меня здесь, сможешь спать спокойно?

Те Хэнцю шагнул вперёд, тень от ветки легла ему на плечо.

— «Спать спокойно» — слишком большая роскошь для таких, как я. Сейчас я хочу лишь одного — чтобы такие, как ты, больше не топтали меня ногами.

— На каком основании? На основании твоей лжи? — усмешка Хай Цюншаня стала ещё шире и холоднее. — Ты ничего не видел, всё это — плод твоего воображения.

— Хоть и не видел, но догадался, — Те Хэнцю больше не стал лгать и прямо признался. — То, что ты сделал, наверняка оставило следы. Старейшина Зала Правосудия не дурак.

Улыбка Хай Цюншаня не дрогнула.

— Да, он не дурак. И он прекрасно видит твои истинные мотивы. Прежде чем он возьмётся за меня, он убьёт тебя.

Те Хэнцю усмехнулся:

— Неужели?

Хай Цюншань, раздосадованный его спокойствием, намеренно добавил:

— Что до меня... за моей спиной стоит мой клан. Меня не так-то просто тронуть. Я пролью пару слезинок, признаю вину, ну, может, получу несколько ударов плетью. Не убьют же они меня, в самом деле?

Те Хэнцю замолчал.

Потому что Хай Цюншань говорил правду.

Видя его молчание, Хай Цюншань усмехнулся ещё шире, в его глазах плясали торжествующие искорки.

— А вот репутация Хэ Чуми из-за тебя пострадала. В конце концов, ему, скорее всего, придётся на мне жениться... Кстати, за это я должен тебя поблагодарить. Если бы не твоё публичное разоблачение, я бы и не знал, как заставить его поскорее выпить со мной свадебную чашу.

Те Хэнцю вздохнул:

— Должен признать, весьма вероятно, что всё так и будет...

Уголки губ Хай Цюншаня изогнулись в презрительной усмешке:

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Те Хэнцю поднял глаза:

— ...если я сегодня тебя не убью.

Хай Цюншань на мгновение замер, а затем разразился хохотом:

— Ха-ха-ха-ха...

— Ты? Убьёшь меня? — он смеялся так, словно услышал самую смешную шутку в своей жизни.
— Ты что, в тайном царстве головой ударился?

<http://bllate.org/book/16975/1586243>